



Читайте в серии
УБИЙСТВА И КОТИКИ

Елена Логунова
Дилемма Золушки
Секрет Аладдина
Фиаско Красной Шапочки
Эффект Годзиллы

Наталья Антонова
Танцующие наяды
Графское наследство
Приусадебное убийство





Елена
Логунова

Эффект ГОДЗИЛЛЫ



МОСКВА



УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л69

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн переплета *Е. Петрова*

Логунова, Елена Ивановна.

Л69 Эффект Годзиллы / Елена Логунова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-247915-1

Писательница Елена и ее боевая подруга Ирка снова в центре опасных приключений! Взрыв в бассейне фитнес-клуба не только лишил их возможности поплавать, но и повлек за собой странные события. Неизвестный напал на Иркину сестру-близнеца Мару и распылил ей в лицо препарат, вызывающий амнезию. Кажется, нападавший перепутал сестер — он хотел заставить Ирку забыть нечто очень важное. Она, сама того не подозревая, успела заметить в бассейне то, что поможет разоблачить преступника. Но что именно? Надо поскорей выяснить это и найти злоумышленника раньше, чем он повторит свою попытку! А помогать Лене берется тетушка Ида, истинная петербурженка с изысканными манерами, и ее большой серый кот Волька!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Логунова Е.И., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-247915-1

*Все совпадения с реальными людьми
и событиями случайны.*



ВМЕСТО ПРОЛОГА

Ноябрь 1724 года в Санкт-Петербурге выдался промозглым и безутешным. Свинцовое небо низко нависло над топиями, с Невы дул пронизывающий ветер, несущий запахи гнили и морской соли. На площади, окруженной голыми деревьями, толпа замерла в немом ужасе. Взметнулся и тяжело опустился топор палача. Голова красавца Виллима Монса, царского адъютанта, камергера императорского двора, покатилась по окровавленным доскам помоста.

Монс был арестован 8 ноября по обвинению во взяточничестве и других противозаконных действиях. Однако поговаривали, что истинной причиной быстрого следствия и жестокой казни была привязанность, которую питала к Виллиму императрица Екатерина. Для устрашения и в нази́дание тело казненного оставили на эшафоте, а голову государь велел заспиртовать — на вечную память грешникам.

В ту же ночь в своих покоях Петр Алексеевич с лицом, искаженным усталостью и гневом, в ярости швырнул в камин горсть бумаг.

— Взятчики! Кровопийцы! — Его хриплый голос заглушал треск поленьев. — Вокруг жены моей, вокруг престола... паутина! И все за милость бабью да за серебро немецкое!

Рядом, согнувшись над столом, скрипел пером сухой, как щепка, секретарь Тайной канцелярии. Он понимал, о чем речь: после наказания ближайших приспешников Монса, из коих одни были биты кнутом и батогами, а другие отправлены в ссылку, следствие не остановилось.

— Государь, по делу Монса выходит нитка на голландского купца Мейера. Германа Мейера. Металлом по всей Руси торгует.

Петр тяжело опустился в кресло, его пальцы нервно барабанили по столу.

— Мейер... Знаю. Корабли его, как тараканы, в порту шныряют. И с Монсом он в делах был? Ну конечно. Вези его ко мне. Живо!

Но Мейер, паук в центре своей коммерческой паутины, почуял опасность раньше. В его конторе, пропахшей воском, кожей и табаком, царила лихорадочная деятельность.

— «Герцогиня Мария»! — шипел он своему приказчику, бледный, с трясущимися руками. — Надо сменить имя в корабельных книгах. Пусть теперь будет «Герцогиня Анна». И грузите все. Все, что не прошло по таможенным книгам! Шелк, кожи, воск... Казну мою... В Швецию, пока петля не затянулась.

Приказчик, испуганно кивая, бормотал:

— Герман Карлыч, а как же бумаги? Следствие...
— Следствие я замажу «барашком в бумажке»! — с презрением бросил Мейер. — У этих чинуш глаза за золотом слепнут. Тыщу целковых сыпни, и все документы на «Марию» исчезнут.

План был хитер. Корабль, сменивший имя, вышел из порта и за линией таможенной границы встал на месячную стоянку, спешно загружаясь контрабандой под завязку.

Но государство — это не один продажный чиновник. Это механизм, который Петр выковал за годы своего правления. Царские ищейки, люди дотошные и неподкупные, копали глубже. Они и нашли нестыковку: куда делся капитан «Марии»? Ах, он теперь командует «Анной»? Любопытно.

А потом грянула зима. Ранняя, свирепая. Ледяные поля сомкнулись вокруг «Герцогини», сковав ее намертво. Официальная версия гласила: судно было раздавлено льдами и затонуло. Концы в воду.

В своей резиденции, глядя на метель за окном, Мейер выдохнул с облегчением. Убыток, конечно, зато теперь доказательств нет. Груз на дне.

Не знал он русских мужиков с их смекалкой и решимостью.

На берегу, у самой кромки льда, собрались мужики с ближайшей мызы. Мороз стоял лютый, железный.

— Корабль иноземный с добром потонул, — хрипло сказал самый старший. — Неглубоко, мачту видно. До двадцати сажен, пожалуй.

Молчание было красноречивее любых слов. Голодная зима стучала в каждую дверь.



— А коли нырнуть... — промолвил другой и сплюнул.

И они пошли. Разделись догола на пронизывающем ветру, тела синели от холода. С криком, от которого стыла кровь, бросались в ледяную черную воду, ныряли в кромешную тьму, нащупывали тюки и вытаскивали их на лед. Кожа. Тюк за тюком. Тридцать, пятьдесят, сто... За три недели достали триста пятьдесят тюков! Не тридцать, как по документам! Поговаривали, на борту и золотишко было, но его не нашли.

Весть долетела до Петра быстрее курьерской тройки. Он сидел в своем кабинете, и перед ним на столе лежала одна-единственная бумага — донесение о «спасении» груза. Рядом — молчавший следователь.

— Триста пятьдесят тюков, — тихо, но сокрушительно, как молотом ударив, проговорил царь. — А в манифесте о гибели судна... три десятка. Видишь, Андрей Петрович? Вот она, суть человеческая. Врут, воруют, следы заматают. Даже корабли переименовывают. Но правда всегда всплывает. Сия история — как проказа. Сверху — гниль, а под ней — живой здоровый народ, который голыми руками, с риском для живота своего правду эту на свет божий достает.

Он откинулся на спинку кресла, и в глазах его читалась не просто злость, а страшная, горькая усталость.

— Мейер подал прошение о банкротстве. Чиновник, что взятку брал, внезапно скончался. Бумаги сгорели. Пришить мне его к делу не за что.



ЭФФЕКТ ГОДЗИЛЛЫ

Закон... Закон бессилен против такой прорвы воровства.

Царь замолчал, глядя на пламя свечи.

— Но он сгинет. Такие всегда сгинут. А судно его... пусть сгниет на дне. Как и память о негодяе.





СУББОТА, УТРО

— **В**се, я не с вами! — в сердцах бросила я, спешно выбираясь из машины. Правда, от того, чтобы хлопнуть дверью, все-таки удержалась: Борин автомобиль ни в чем передо мной не провинился.

Провинились мадамы, обе-две: тетя Ида и Марфинька. Они всю дорогу до аэропорта — битый час! — манерно, воображаемыми серебряными ложечками ели мне мозг. Видите ли, я слишком просто оделась! Не составила гармоничное трио с расфуфыренными старушками!

12

И в джинсы мне, видите ли, не следовало влезать: «Это же рабочая одежда портовых грузчиков, Леночка!»; и базовую водолазку модного в этом сезоне цвета сырого бетона я должна была, оказывается, пожертвовать на благотворительность: «Эта твоя фуфаячка, конечно, тепленькая, но уж очень невзрачная, в ней в самый раз промозглой осенью на паперти стоять!» И мои фирменные кроссовки им — это «Фу, только в футбол играть!»,

и стеганая курточка — «Фи, за картошкой на рынок ходить!», и черная флисовая шапочка, очень удобная и легкая — «Гос-с-поди, да ты, никак, монашка какого-то ограбила?!»

Две восьмидесятишестилетние законодательницы мод заклевали меня, как пара ворон! Замакировавшихся, впрочем, под ярких тропических птичек. Вот на них не было ни скромных курточек, ни базовых водолазок, ни, Боже сохрани, кроссовок и джинсов. Вырядились обе, как участницы конкурса на лучшего двойника покойной английской королевы-бабушки — только корги на поводке не хватало!

— Что значит — ты не с нами, Лена? Одним самолетом летим! — напомнила тетя Ида, недовольная моим демаршем.

— Не сыпьте соль на раны, — буркнула я, рывком вытаскивая из багажника, предупредительно открытого Борей, винтажный аксессуар — большую клетчатую сумку челночника.

— А это еще что такое?! — ужаснувшись, схватилась за сердце Марфинька.

Простецкий клетчатый баул они с тетушкой увидели только что, потому что укладка в багажник машины их собственных новых красивых чемоданов производилась исключительно руками Бори и моими. Не царское это дело — сундуки ворочать. Царское — величаво воссесть и милостиво (или не очень) взирать окрест.

Клетчатый баул, конечно, жестоко оскорблял монаршее чувство прекрасного. Вообще-то я и сама была от него не в восторге, просто он лучше всего соответствовал задаче: без переплаты



за перевес багажа доставить сестре в Краснодар целую кучу хорошей одежды, которая мне самой сделалась маловата.

Это, скажу я вам, великий минус пристрастия к одежде по фигуре. Стоит прибавить пару сантиметров в талии — и прости-прощай обтягивающие платья, блузки и жакеты. В этом плане мода на балахонистые вещи оверсайз не только практична, но и милосердна: любителям платьев-парашютов не приходится регулярно испытывать муки расставания с очередной партией прекрасных нарядов.

Я-то еще не сильно страдаю, поскольку у меня есть младшая сестра, отстающая от меня четко на пару размеров. Время от времени расхламляя свой платяной шкаф, я просто передаю вещи ей, и в этом даже есть что-то символическое. Вот только расстояние между нашими с сестрицей платяными шкафами с моим переездом в Питер увеличилось до пары тысяч километров, так что теперь в процессе передачи нажитого непосильным трудом никак не обойтись без участия поезда или самолета.

И надо же мне было купить билет на тот самый рейс, которым вознамерились отбыть мадамы! Я-то думала, что совмещу сразу две благотворительные миссии: и сестрицу обновками одарю, и дорогих старушек сопровожу в полете до места назначения.

Как говорится, за двумя зайцами погонишься...

А ведь как удачно все складывалось поначалу. Мадамы собрались в Краснодар, а далее — на частную винодельню в Тамани, куда стекалась изысканная публика, приглашенная на празднование



восьмидесятипятилетнего юбилея патриарха-винодела. Тот был каким-то давним другом-приятелем Марфиньки и тетушки, не из самых близких, но в восемьдесят пять, я так понимаю, даже шапочно знакомыми людьми не разбрасываются — каждый, кто знал тебя не старой развалиной, на особом счету. И, поскольку это правило работает в обе стороны, мадамы, не без труда припомнив гостеприимного юбиляра-винодела, благосклонно приняли его приглашение.

Предполагалось, что в поместье с виноградниками они проведут выходные, с учетом дороги туда и обратно будут отсутствовать почти три дня. В связи с этим встал вопрос о том, кто в это время будет присматривать за Волькой, полностью — Владимиром Владимировичем: тетушкиным котом, названным в честь поэта Маяковского на основании неоспоримого портретного сходства. У кота тоже пристальный тяжелый взгляд и густая растрепанная шевелюра. Да и характером он — один в один поэт-бунтарь.

Обычно в подобных случаях честь прислуживать высшему существу (это я про кота) выпадает мне, но я вознамерилась лететь вместе с мадами. Мне это было особенно удобно, потому что мои муж и сын, тоже в некотором роде вышние (оба — метр девяносто пять) существа, вечно нуждающиеся в том, чтобы им кто-то прислуживал, как раз собрались ехать на свое рабочее мероприятие — IT-конференцию в Москве. Поэтому нянькой к Вольке вызвали Ирку, которая была временно свободна от служения своим собственным высшим существам — мужу и двум сыновьям: